

В ДВЕНАДЦАТЫЙ раз киевские восточники пришли в Малое театры и всегда эта история радостна, ибо радостно познание глубин человеческой души, мысли, страстей, но пути которого ведет нас театр. Обширен и разнообразен его гастрольный репертуар, в котором главенствующее место занимает классика. Это в традициях дома Островского — особое внимание к жемчужинам драматургической литературы, над которыми не выветрылись годы, и в которых каждое новое поколение находит то, что волнует его.

Грибоедов, Островский, Толстой, Салтыков-Щедрин, Горький на одной афише — это ли не богатство, способное привлечь самого высказательного зрителя? И в выборе современной пьесы театр идет своим путем, обращая внимание часто на прозаические, мимо которых проходили другие, унося ювэй в них повод для нужного сегодня разговора со зрителем. Утренняя работа в авторном зале — это свой люд.

Так, в работе с одним из старейших советских драматургов Нендорм Шинков родился спектакль «Золотые костры» (постановка заслуженного деятеля искусств РСФСР П. Васильева), спектакль публицистически заостренный, утверждающий верность высоким идеалам гражданственности, человечности. Герои его — люди преданных лет, те, кто строил Магнитку и кому «как вечный огонь легендарной юности» светила в пути ее золотые костры.

Для заслуженного артиста РСФСР Г. Кузюкова киевские спектакли «Золотые костры» были премьерой. Случилось так, что он на гастролы впервые сыграл роль Сушкина, и поставил нам человека сложного, ершистого, самолюбивого, бескомпромиссного, требующего высоты души от других и своего строго соразмерить с ее. Сушкину бесконечно чужд бескарный практицизм Шкарникова (заслуженный артист РСФСР Г. Сергеев), его способность «устраивать дела» и считать другом всякого, кто помогает в этом. Против такой девальвации святого понятия дружбы протестует честная душа Сушкина.

Но, пожалуй, наиболее четко противопоставляются жизненные позиции вины при сопоставлении Шкарникова и Милочки. Удивительно трогательный, печальный образ женщины, живущей для людей, готовой в любую минуту прийти на помощь другим, создает народная артистка РСФСР Т. Еремеева. «Оубокой двадцатых годов» со снисходительным сочувствием называет ее Шкарников, но понимает даже, что в этих словах содержится иная оценка его душевных качеств. Связь годы и испытания пронесла Милочка свою синеблужную юность, не расставая на жизненных дорогах ни пыла души, ни светлого взгляда на мир и людей, обогатив ее это зрелой мудростью и сознанием необходимости добра. Сельская «такая и истинная» женщина в этой простой женщине! Если у Милочки в пьесе сцена, которая трудно дается театру, у некоторых актрис звучит как неоправданная информация о послужном списке героини. Т. Еремеева окрашивает ее в такие эмоциональные тона, что нам не кажется странным рассказ Милочки, о том, где и как она работала, предназначенный племяннице, которая и так все о ней знает. Ника-Вероника (Л. Кичанова) ждет жениха. Милочка чутким сердцем улавливает тревогу — что-то неладит с этой сладкой — и говорит, говорит, стараясь отвести мысль девушки в другое русло, заглушить ее беспокойство.

Легкая грусть о неудавшейся личной жизни звучит у Т. Еремеевой как-то в подтексте, и от этого образа Милочки становится еще более полнокровным и убедительным.

Актерское мастерство, глубина проникновения в образ — бесспорно, общепризнанное качество Малого театра. Тот или иной его спектакль может нравиться или не нравиться, но в каждом из них есть актерские работы, мимо которых не пройдем, которые надолго запядают в душу и память.

В «Десе» А. Островского это в первую очередь народный артист СССР И. Ильинский — Сивастинцев, народная артистка РСФСР Т. Еремеева — Филипповна, заслуженный артист БССР Р. Филиппов — Несчастливцев. Спектакль этот, поставленный И. Ильинским в старых традициях с чудесным живописным декорациям народного художника РСФСР А. Васильева,

НАУКА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

НА СПЕКТАКЛЯХ МАЛОГО ТЕАТРА

возвращает нас к тому Островскому, о котором мы в последние время стали забыть. Принимая как должное, как дань времени и перекрашивание текста его пьес, и модернизацию не только постановочных средств, но и образов. Стремление сохранить классическое произведение в своей первоначальности, не впадая при этом в архаизацию его, — дело непростое.

Не часто можно увидеть на сцене М. Салтыкова-Щедрина. Его произведения, очевидно, кажутся театру не сценичными. И вправду, не кажлого, обратившегося к ним, как показавшего опыт, жлет успех. Мир щедриных образов пьесам требовалось к тому, кто пытается войти в него. В Малом театре «Голод» Гололоповых исполнили артисты РСФСР Л. Васильев и вместе с А. Юнгиным и постановка спектакля, достигнув главного — на сцене нашей такая густая атмосфера бездуховности, лицемерия и лжи, что мы почти физически ощущаем необходимость свежего ветра, обреченности мира господ Гололоповых.

Образ Нудушки Гололопова, созданный народным артистом РСФСР В. Кеннигсом, в ряду лучших актерских работ в гастрольном репертуаре театра. Удивительная пластичность, яркая, точная манера «глаза, включающие шаровый яд, голос, заключающий в душу и парализующий волю человека» — все это придает Нудушке сходство то со змеей, то со зловещей тенью. Особенно впечатляет это сходство в сцене разговора с сыном, которому грозит суд за проигранные казенные деньги. Никакие аргументы Петра не способны прояснить Нудушку, выветри из «суеты пустых и навязов прогнивших афоризмов», в которые он закутался с головы до ног». Разве можно что-нибудь доказать тени, разве можно жалеть от нее сочувствия, помнящими, помочи? Так и для Нудушки есть существование в горах, ни радости, ни невинности, ни любви, как пишет автор романа.

Иудушка все свои пакости

совершает именем бога, но религиозность его — это удобная оболочка для прихитренного иллойней духовной пачкаты. Он просто научил слезинку молитвенного стоянца, а подлинность с колен, тут же гстон пить кровь из окружающих. Чего стоит болезненная жалобка, которую Кеннигс аккуратно отхлещает нывь с острых колен этого героя, как будто бы отшвырнул от молчаливого настроения. Буквально на наших глазах вокруг Нудушки образу-

ется некое поле, все, к чему он прикасается, обречено на смерть и, наконец, яд, источник им, отравляет его самого.

Но Нудушка — Кеннигос не был бы им так понятен без Арины Петровны — народной артистки СССР Е. Гоголевой. Вот она перед нами в начале спектакля: властная критая женщина, самая богатая помещица в уезде, признавшая Порфирия и Павла вернувших назад неутраченных их братом Стендией. Сколько лицемерия в самом этом поступке, какой спектакль разыгрывает «милый друг мамочки» перед своими сыновьями. Это она, скондиломка, обманувшая страстно к накопительству, поставившая эту страсть выше всего на свете, еще в малом возрасте убила живую душу в своих детях. Порфирий Нудушка нешел дальше мамочки, и в конце спектакля мы видим как будто бы совсем другого Аришу Петровну — жалкую старуху, мошнячищающую при ирге в Лукьячку, лебезящую перед Нудушкой. От прежней помещицы ничего не осталось, ибо она лишилась главной своей опоры — накопленного добра, а кроме этого, у нее за душой ничего и не было.

Утверждение и воспитание нравственных идеалов — одно из важнейших назначений сегодняшнего театра, ибо чем выше оно у человека, тем выше духовный уровень общества. Это странно, когда душой «только о готовых товарах, подлабурках и сырье». Маттиас Клаузен, герой пьесы Гауптмана «Перед заходом солнца», бросившему эти слова как бы между прочим, конечно, пришлось убедиться в их справедливости. В мире наших лет места живому чувству, на ее алтарь приносятся все, вплоть до любви и почтения детей к отцу. Тут клаузенствует сила и наука, ответственность которой есть зять Клаузен Кламрот. Постановщик спектакля Л. Кейфер и исполнитель роли Кламрота заслуженный артист РСФСР В. Конев придал ему черты фашистского молодчика, из тех, которые прирали в руках не только промышлен-

ность Германии, но и умны обманителей (безразлично, были ли они тогда или сейчас, если они были обвинены в буржуа). Пьеса была закончена Гауптманом в 1932 году, когда над Германией гулались туши фашизма.

Маттиас Клаузен гибнет в неравной борьбе с Кламротом. Его дети стали послушным орудием последнего, ибо наследство, которое они былые потерять в случае женитбы отца, для них важнее самых святых чувств.

Играет Клаузен народный артист СССР М. Царев. Внешне это сдержанный пожатый господин, подтянутый, немного уставший от нечестия и любви, которую ему оказывают окружающие.

Но в глазах его светится большой ум и понимание истинной цены происходящего. Его искания любви к Инке (Н. Вилькина) — это титановская попытка, но в исходе, когда он знает, только это пристрастие способна дожить его душевный настрой, только ее интересует его духовный мир, его мысли и чувства.

С огромным внутренним напряжением исполняет М. Царев сцену объяснения с детьми, установившими над ним опеку. Его слова, обращенные к ним, ледяны горечи и боли, которая готова разорвать сердце. И даже затравленный, на своем деле побуждающийся Клаузен прикладывает драматурга Инке, исполнен огромного внутреннего величия, оно и в его добровольном уходе из жизни.

Клаузен Царева погиб, утвердив своей смертью, что человечество может одержать только временную победу, ибо над высокой она не властна. Среди спектаклей, пользующихся у зрителей особым успехом, трагедия А. Толстого «Царь Федор Иоаннович» в постановке старшего артиста СССР В. Равенских. Его Малый театр уже второй раз признал за гастролью. В 1973 году здесь состоялась премьера, в которой главную роль исполнил А. Савицкий. Теперь роль царя Федора играет народный артист РСФСР Ю. Соломин. Это, несомненно, одна из интереснейших его работ. История трагедии знает множество трактовок роли Федора. Играл его душевнобольным, играл его физически больным, акцентировал слабость характера, параскую безземельность и т. д. Ю. Соломин же, пожалуй, глалное — боль, — человеческая боль за то, что творится на Руси. Она в его страдальных глазах, она в интонациях его голоса, когда вытекает он примирения Гудынова и Шуйского, она в его восклицаниях «Внуче! За что меня поставят ты царем!». И интерес к человеку. С любопытством смотрит он на каждого, как бы пытаясь узнать его, увидеть в нем доброе начало.

И еще одно новое истонителем увидели в этом спектакле киевляне. Князя Ивана Петровича Шуйского играет народный артист РСФСР Д. Павлов. Его Шуйский жесток и умел, но прежде всего — человек. И это придает спектаклю особую остроту. Невозможно в одной статье сказать обо всех интереснейших актерских работах, которыми так богат спектакль Малого театра. Но зрителям их оценка по достоинству не случится на подходе к театру, где пролетят гастролы, настояно вопрос: «Нет ли диншего билета?»

Л. КЛЕВЦОВА.

НА СНИМКЕ: сцена на спектакле «Дес» Народный артист СССР Игорь ИЛЬИНСКИЙ (справа) и народный артист РСФСР Д. ПАВЛОВ.

Фото В. ФАИНА.